

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 78-КГ15-7

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

7 июля 2015 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Кликушина А.А.
судей Вавилычевой Т.Ю. и Назаренко Т.Н.

рассмотрела в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Амелиной Е.С. к Вороновой Л.А., Марковой А.Б. об оспаривании договоров доверительного управления наследственным имуществом и по иску Ришко Н.И., действующей в интересах несовершеннолетнего Амелина И.С., к Вороновой Л.А., Марковой А.Б. об оспаривании договоров доверительного управления наследственным имуществом

по кассационной жалобе Вершининой Е.Е., действующей в интересах Амелиной Е.С. и Ришко Н.И., законного представителя несовершеннолетнего Амелина И.С., на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 8 апреля 2014 г. и постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 23 июля 2014 г.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Назаренко Т.Н., объяснения представителя Амелиной Е.С., Ришко Н.И., ООО «А.», ООО «Т.», ООО «В.» – Вершининой Е.Е., поддержавшей доводы кассационной жалобы, объяснения Марковой А.Б. и ее

представителя Салтыкова Р.Г., возражавших против удовлетворения кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Амелина Е.С. обратилась в суд с иском к Вороновой Л.А., Марковой А.Б. о признании недействительными (ничтожными) договоров доверительного управления наследственным имуществом от 5 февраля 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале ООО «В [ ]»), от 1 февраля 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале ООО «Т [ ]»), от 5 февраля 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале ООО «А [ ]»), от 31 января 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале «С [ ] : [ ] 1»).

В обоснование требований Амелина Е.С. указала, что является наследником по закону первой очереди после смерти сына Амелина С.Н., умершего 20 января 2013 г., являвшегося единственным участником указанных обществ, а также выгодоприобретателем по оспариваемым договорам. Полагала, что договоры, заключенные между нотариусом Вороновой Л.А. и доверительным управляющим Марковой А.Б., являются недействительными (ничтожными), поскольку доверительный управляющий Маркова А.Б. обладает статусом адвоката, который не позволяет ей осуществлять доверительное управление. Ссылается на противоречие условий договоров доверительного управления наследственным имуществом о сроке их действия п. 4 ст. 1171 Гражданского кодекса Российской Федерации и на противоречие условий договоров о размере вознаграждения доверительного управляющего требованиям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2002 г. № 350 «Об утверждении предельного размера вознаграждения по договору хранения наследственного имущества и договору доверительного управления наследственным имуществом». Также Амелина Е.С. указывает на то обстоятельство, что Маркова А.Б., получив полный контроль над хозяйственной деятельностью обществ, регулярно совершает действия, противоречащие интересам истца как выгодоприобретателя по договорам. В результате действий Марковой А.Б. сорвано выполнение крупных договоров подряда, в том числе федерального

значения, что привело к неустойкам и, как следствие, банкротству ООО «С [REDACTED]».

Ответчики иск не признали.

Решением Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14 октября 2013 г. Амелиной Е.С. в удовлетворении иска отказано.

Решение районного суда обжаловано Ришко Н.И., действующей в интересах несовершеннолетнего Амелина И.С., в суд апелляционной инстанции.

4 марта 2014 г. судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации перешла к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл. 39 указанного выше кодекса, установив, что к участию в деле не была привлечена Ришко Н.И. как законный представитель несовершеннолетнего Амелина И.С. и орган опеки и попечительства, которые не были извещены о дате и месте рассмотрения дела в суде первой инстанции.

Ришко Н.И., действующая в интересах несовершеннолетнего Амелина И.С. (наследника первой очереди), обратилась с иском к Марковой А.Б., Вороновой Л.А. о признании недействительными (ничтожными) договоров доверительного управления наследственным имуществом от 5 февраля 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале ООО «В [REDACTED]»), от 1 февраля 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале ООО «Т [REDACTED]»), от 5 февраля 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале ООО «А [REDACTED]»), от 31 января 2013 г. (в отношении 100% доли в уставном капитале «С [REDACTED]»). В обоснование требований указала, что договоры доверительного управления наследственным имуществом являются ничтожными сделками, поскольку на столь значительный размер вознаграждения, выплачиваемого доверительному управляющему за счет наследства несовершеннолетнего, должно быть получено согласие органа опеки и попечительства; условия о сроке действия договоров (п. 7.1) противоречат п. 4 ст. 1171 Гражданского кодекса Российской Федерации при том, что несогласованность этого существенного условия влечет ничтожность договоров в целом; условие о вознаграждении доверительного управляющего (п. 5.1), в соответствии с которым ежемесячное

вознаграждение в размере [REDACTED] руб. только по одному из договоров доверительного управления выплачивается сверх вознаграждения в размере 3 %, ничтожно, поскольку превышает предельный размер вознаграждения доверительного управляющего, установленный постановлением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2002 г. № 350 «Об утверждении предельного размера вознаграждения по договору хранения наследственного имущества и договору доверительного управления наследственным имуществом». Дополнительные соглашения к договорам считает недействительными вследствие ничтожности самих договоров доверительного управления наследственным имуществом, а также ничтожными в связи с отсутствием предварительного согласия органа опеки и попечительства на их заключение. Также истец ссылается на злоупотребление правом со стороны нотариуса Вороновой Л.А., которой на момент заключения договора доверительного управления от 31 января 2013 г. было известно о наличии несовершеннолетнего наследника, однако он не был указан в договорах в качестве выгодоприобретателя, равно как и в дополнительных соглашениях. Кроме того, договоры заключены без согласия органов опеки и попечительства.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 8 апреля 2014 г. решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение о частичном удовлетворении исковых требований Амелиной Е.С. и Ришко Н.И., действующей в интересах несовершеннолетнего Амелина И.С. Постановлено признать недействительными договоры доверительного управления имуществом умершего Амелина С.Н., заключенные между доверительным управляющим Марковой А.Б. и учредителем управления Вороновой Л.А., от 31 января 2013 г. № О-334, от 1 февраля 2013 г. № С-61, от 5 февраля 2013 г. № О-421, от 5 февраля 2013 г. № О-419 и дополнительные соглашения к указанным договорам от 11 апреля 2013 г. в части п. 5.1 договоров и п. 2 дополнительных соглашений, устанавливающих выплату доверительному управляющему вознаграждения. В остальной части требования истцов оставлены без удовлетворения.

Постановлением президиума Санкт-Петербургского городского суда от 23 июля 2014 г. апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 8 апреля 2014 г. в части отказа в признании недействительными п. 7.1 договоров

доверительного управления наследственным имуществом и п. 2 дополнительных соглашений к указанным договорам в той части, в какой изменена редакция п. 7.1 договоров, оставлено без изменения.

Апелляционное определение в части признания недействительным п. 5.1 договоров доверительного управления имуществом от 31 января 2013 г. № О-334, от 5 февраля 2013 г. № О-419, от 5 февраля 2013 г. № О-421 и п. 2 дополнительных соглашений к указанным договорам в той части, в какой изменена редакция п. 5.1 договоров, отменено, в удовлетворении иска в данной части отказано.

Апелляционное определение в части признания недействительными п. 5.1. договора доверительного управления наследственным имуществом от 1 февраля 2013 г. № С-61 и п. 2 дополнительного соглашения к этому договору от 11 апреля 2013 г. № С-274 в той части, в какой установлено условие о выплате доверительному управляющему за управление имуществом за весь период действия договора вознаграждения в размере 3 процентов, но не более от оценочной стоимости имущества, переданного в доверительное управление, отменено, в удовлетворении иска в данной части отказано.

В остальной части апелляционное определение оставлено без изменения.

Вершининой Е.Е., являющейся представителем Амелиной Е.С. и Ришко Н.И., законного представителя несовершеннолетнего Амелина И.С., подана кассационная жалоба, в которой поставлен вопрос об отмене апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 8 апреля 2014 г. и постановления президиума Санкт-Петербургского городского суда от 23 июля 2014 г.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Назаренко Т.Н. от 29 мая 2015 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, Судебная коллегия находит, что имеются основания, предусмотренные ст. 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, для отмены апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 8 апреля 2014 г. и постановления президиума Санкт-Петербургского городского суда от 23 июля 2014 г.

В соответствии со ст. 387 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Как следует из материалов дела и установлено судами, 20 января 2013 г. умер Амелин С.Н., в связи с чем нотариусом заведено наследственное дело. На момент смерти Амелин С.Н. являлся единственным участником ООО «В [REDACTED]», ООО «Т [REDACTED]», ООО «А [REDACTED]», ООО «С [REDACTED]».

В установленный законом шестимесячный срок к нотариусу с заявлением о принятии наследства после смерти Амелина С.Н. обратились наследники: мать Амелина Е.С. – 28 января 2013 г. (т. 2, л.д. 38), которая в своем заявлении нотариусу указала, что других наследников первой очереди не имеется, и несовершеннолетний сын Амелин И.С. в лице законного представителя Ришко Н.И. – 6 февраля 2013 г. (т. 1, л.д. 178). Амелиной Е.С. также подано нотариусу заявление о принятии мер к охране наследственного имущества, в котором она просила назначить доверительным управляющим наследственного имущества Маркову А.Б. (т. 2, л.д. 39 – 41).

31 января 2013 г. между нотариусом Вороновой Л.А. (учредитель управления) и Марковой А.Б. (доверительный управляющий) заключен договор доверительного управления наследственным имуществом – долей в размере 100 % в уставном капитале ООО «С [REDACTED]» (т. 1, л.д. 19-21), Согласно п. 5.1. договора за управление указанным имуществом за весь период действия договора доверительному управляющему выплачивается вознаграждение в размере 3 процентов от рыночной стоимости имущества, переданного в доверительное управление по указанному договору. Окончательный расчет производится по истечении срока действия указанного договора путем подписания акта сверки выполненных работ. При этом доверительному управляющему ежемесячно выплачивается вознаграждение в размере [REDACTED] руб. в срок не позднее двадцать пятого числа текущего месяца оплаты.

1 февраля 2013 г. между теми же сторонами заключен договор доверительного управления наследственным имуществом Амелина С.Н. –

долей в размере 100% в уставном капитале ООО «Т [ ]» (т. 1, л.д. 16-18), а 5 февраля 2013 г. заключены договоры доверительного управления имуществом – долей в размере 100% в уставном капитале ООО «А [ ]» (т. 1, л.д. 13-15) и долей в размере 100% в уставном капитале ООО «В [ ]» (т. 1, л.д. 10-12). В силу п. 5.1 договоров доверительного управления ООО «В [ ]», ООО «А [ ]» за управление каждой из указанных фирм доверительному управляющему ежемесячно выплачивается вознаграждение в размере [ ] руб. в срок не позднее двадцать пятого числа текущего месяца оплаты, за управление ООО «Т [ ]» – [ ] руб. ежемесячно в срок не позднее двадцать пятого числа текущего месяца оплаты.

Согласно п. 7.1 договоров они заключены сроком до даты получения выгодоприобретателем свидетельства о праве на наследство на имущество, переданное в доверительное управление по указанным договорам.

Выгодоприобретателем во всех договорах указана Амелина Е.С.

Дополнительными соглашениями от 11 апреля 2013 г. (т. 1, л.д. 182-185) изменена редакция п. 5.1 и п. 7.1 указанных выше договоров.

Пункт 5.1 договора от 31 января 2013 г. изложен в следующей редакции: «За управление указанным имуществом за весь период действия указанного договора доверительному управляющему выплачивается вознаграждение в размере 3 процентов, но не более, от оценочной стоимости имущества, переданного в доверительное управление по указанному договору. Стоимость имущества определяется исходя из рыночной оценки указанного имущества или по соглашению с наследниками. Окончательный расчет производится по истечении срока действия указанного договора путем подписания акта сверки выполняемых работ. При этом доверительному управляющему в счет окончательного расчета по вознаграждению ежемесячно выплачивается денежная сумма в размере [ ] руб., в срок не позднее двадцать пятого числа текущего месяца оплаты.»

Пункт 5.1 договора управления ООО «Т [ ]» от 1 февраля 2013 г. изложен в следующей редакции: «За управление указанным имуществом за весь период действия указанного договора доверительному управляющему выплачивается вознаграждение в размере 3 процентов, но не более, от оценочной стоимости имущества, переданного в доверительное управление по указанному договору. Стоимость имущества определяется исходя из рыночной оценки указанного имущества или по соглашению с наследниками.

Окончательный расчет производится по истечении срока действия указанного договора путем подписания акта сверки выполняемых работ. При этом доверительному управляющему в счет окончательного расчета по вознаграждению ежемесячно выплачивается денежная сумма в размере [REDACTED] руб. в срок не позднее двадцать пятого числа текущего месяца оплаты.».

Пункт 5.1 договоров управления ООО «А [REDACTED]» и ООО «В [REDACTED]» от 5 февраля 2013 г. изложен в следующей редакции: «За управление указанным имуществом за весь период действия указанного договора доверительному управляющему выплачивается вознаграждение в размере 3 процентов, но не более, от оценочной стоимости имущества, переданного в доверительное управление по указанному договору. Стоимость имущества определяется исходя из рыночной оценки указанного имущества или по соглашению с наследниками. Окончательный расчет производится по истечении срока действия указанного договора путем подписания акта сверки выполняемых работ. При этом доверительному управляющему в счет окончательного расчета по вознаграждению ежемесячно выплачивается денежная сумма в размере [REDACTED] руб., в срок не позднее двадцать пятого числа текущего месяца оплаты.».

Дополнительными соглашениями ко всем договорам редакция пункта 7.1 договоров изложена следующим образом: «Настоящий договор заключен на срок, предусмотренный п. 4 ст. 1171 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Разрешая спор по существу, суд первой инстанции не усмотрел оснований для удовлетворения требований Амелиной Е.С. При этом суд исходил из того, что доводы истца о совершении доверительным управляющим действий, направленных не к выгоде наследников, не могут служить основанием для признания оспариваемых договоров ничтожными сделками, а довод о невозможности Маркиной А.Б. выступать доверительным управляющим в связи с наличием у нее статуса адвоката основан на неправильном толковании норм материального права.

Рассмотрев дело по правилам производства в суде первой инстанции, судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда пришла к выводу о том, что требования Амелиной Е.С. и Ришко Н.И., действующей в интересах Амелина С.Н., подлежат частичному

удовлетворению. В соответствии с положениями п. 8 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 2 ст. 1016, ст. 1026, 1152, п. 1 ст. 1154, п. 4 ст. 1171, ст. 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации судебная коллегия пришла к выводу, что если срок доверительного управления наследственным имуществом, установленный договором, превышает срок для принятия наследства, то такое условие не соответствует действующему законодательству. Однако поскольку договоры доверительного управления наследственным имуществом на момент рассмотрения спора судом действовали в редакции дополнительных соглашений от 11 апреля 2013 г., которыми в договоры были внесены изменения в условия о сроке действия, суд апелляционной инстанции сделал вывод, что условия договора о сроке их действия на момент рассмотрения спора соответствуют нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности п. 4 ст. 1171 данного кодекса, и не нарушают права сторон и третьих лиц.

Оценив положения п. 5.1 оспариваемых договоров доверительного управления, судебная коллегия установила, что данные условия нарушают права несовершеннолетнего Амелина И.С., поскольку на заключение договора доверительного управления долей в уставном капитале общества в соответствии с п. 2 ст. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации требуется предварительное разрешение органа опеки и попечительства. В силу п. 1 ст. 1174 данного кодекса выплата вознаграждения доверительному управляющему производится за счет наследственного имущества, следовательно, происходит его уменьшение, поэтому подлежат применению положения п. 2 ст. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации. Между тем предварительное согласие органа опеки и попечительства ни в момент заключения оспариваемых договоров, ни при заключении дополнительных соглашений 11 апреля 2013 г. получено не было. На момент заключения дополнительных соглашений 11 апреля 2013 г. у нотариуса Вороновой Л.А. были сведения о несовершеннолетнем наследнике. Также суд установил, что при заключении договоров доверительного управления не производилась оценка переданного в управление имущества. При таких обстоятельствах судебная коллегия усмотрела нарушение действующего законодательства при согласовании ответчиками условий п. 5.1 договоров, указав, что по своей правовой природе договор доверительного управления наследственным

имуществом не может быть заключен без учета требований ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, поскольку недействительность условий п. 5.1 договоров не влечет в соответствии со ст. 180 Гражданского кодекса Российской Федерации недействительность всех оспариваемых договоров в целом, в удовлетворении требований истцов о признании недействительными всех договоров доверительного управления суд апелляционной инстанции отказал.

Отменяя в части апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда, президиум Санкт-Петербургского городского суда исходил из того, что вывод судебной коллегии о противоречии п. 5.1 договоров доверительного управления и п. 2 дополнительных соглашений в части, изменяющей редакцию п. 5.1, ст. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации является ошибочным.

Президиум городского суда указал, что действующее законодательство не предусматривает обязанность нотариуса получить предварительное согласие органа опеки и попечительства на заключение договора управления наследственным имуществом, наследником которого является несовершеннолетний. Передача имущества в доверительное управление сама по себе не влечет уменьшения его объема и не свидетельствует об отчуждении имущества. Напротив, доверительное управление учреждается в целях сохранения имущества и получения выгоды от его использования. Норма п. 2 ст. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации, которую применила судебная коллегия, определяет требования к опекунам (попечителям), родителям, осуществляющим распоряжение имуществом несовершеннолетнего (на последних ее требования распространены п. 2 ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации). Нотариус не является ни опекуном, ни попечителем несовершеннолетнего. При несогласии со сделками по распоряжению наследственным имуществом, заключенными доверительным управляющим, они могут быть оспорены заинтересованными лицами в суде путем подачи самостоятельного иска.

Действия сторон по установлению в договоре доверительного управления вознаграждения управляющего в случае, если они совершены с соблюдением требования к его предельному размеру, также не могут рассматриваться как нарушающие законные интересы несовершеннолетнего. Возможность уменьшения наследственного имущества на сумму расходов по управлению

этим имуществом предусмотрена законом, а потому ему не противоречит. Предельный размер вознаграждения доверительного управляющего нормативно определен постановлением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2002 . № 350 «Об утверждении предельного размера вознаграждения по договору хранения наследственного имущества и договору доверительного управления наследственным имуществом» и не требует контроля со стороны органа опеки и попечительства. Требования об обязательной предварительной оценке наследственного имущества в связи с передачей его в доверительное управление гражданское законодательство не устанавливает, поэтому отсутствие отчетов об оценке такого имущества само по себе не влечет недействительности договоров. Ссылка судебной коллегии на нарушение при заключении договоров ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации и злоупотребление правом является ошибочной, поскольку нарушение данной нормы к числу самостоятельных оснований недействительности сделок законом не отнесено. То обстоятельство, что в качестве выгодоприобретателя в договорах указан только один наследник – Амелина А.С., также не влечет недействительности договоров, поскольку неопределенность состава наследников и возможность их выявления сохраняется до окончания периода принятия наследства, включая тех наследников, о которых могло быть не известно нотариусу к моменту учреждения доверительного управления. Поэтому, по мнению кассационной инстанции, в отсутствие достаточной определенности состава наследников указание в договоре не всех выгодоприобретателей влечет не недействительность договора доверительного управления наследственным имуществом, а присоединение новых наследников к числу выгодоприобретателей. Ссылка на ст. 1016 Гражданского кодекса Российской Федерации (существенные условия договора доверительного управления) не может быть принята, поскольку не учитывает специфику договора доверительного управления наследственным имуществом.

Между тем оспариваемые по делу судебные акты являются незаконными по следующим основаниям.

Согласно ст. 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации (доверительное управление наследственным имуществом), если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления (предприятие, доля в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества или общества, ценные бумаги, исключительные права и тому

подобное), нотариус в соответствии со ст. 1026 Кодекса в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления этим имуществом.

В соответствии со п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Согласно п. 1 ст. 1016 Гражданского кодекса Российской Федерации (существенные условия договора доверительного управления имуществом) в договоре доверительного управления имуществом должны быть указаны: состав имущества, передаваемого в доверительное управление, наименование юридического лица или имя гражданина, в интересах которых осуществляется управление имуществом (учредителя управления или выгодоприобретателя), размер и форма вознаграждения управляющему, если выплата вознаграждения предусмотрена договором и срок действия договора.

В договорах доверительного управления, заключенных в период с 31 января по 5 февраля 2013 г., выгодоприобретателем указана Амелина Е.С. Между тем 6 февраля 2013 г. нотариусу Вороновой Л.А. подано заявление о принятии наследства Ришко Н.И. – законным представителем Амелина И.С. Стороны договоров доверительного управления наследственным имуществом не внесли в договоры изменения о составе выгодоприобретателей. Не было этого сделано и при заключении 11 апреля 2013 г. дополнительных соглашений к договорам доверительного управления, которыми были изменены условия о сроке действия договоров и размере вознаграждения доверительному управляющему.

Таким образом, при совершении сделок нарушено существенное условие договора доверительного управления об имени гражданина (выгодоприобретателя), в интересах которого осуществляется управление имуществом.

При наличии у нотариуса сведений о конкретных наследниках, в интересах которых должно осуществляться управление наследственным имуществом, нотариус обязан в силу прямого указания в законе (п. 1 ст. 1016 ГК РФ) поименовать их в договоре как выгодоприобретателей. Определение

объема полномочий доверительного управляющего по охране наследственного имущества (включающих в себя возможность совершения им сделок по распоряжению имуществом без уведомления наследников, в процессе которых может уменьшиться наследственная масса), получение согласия всех выявленных наследников относительно кандидатуры доверительного управляющего являются существенными характеристиками договора доверительного управления наследственным имуществом.

Между тем, данные условия не были соблюдены.

Из материалов дела усматривается, что договоры были заключены без участия законного представителя несовершеннолетнего наследника Амелина И.С. – Ришко Н.И. При внесении 11 апреля 2013 г. изменений в договоры путем заключения дополнительных соглашений в части оплаты вознаграждения доверительному управляющему и срока действия договора, сведения о нем как о выгодоприобретателе также не вносились.

Таким образом, интересы несовершеннолетнего Амелина И.С. как выгодоприобретателя были существенно нарушены.

Заключение нотариусом договора доверительного управления наследственным имуществом отнесено к мерам по охране наследственного имущества. Оспариваемые договоры являются возмездными. В соответствии с п.1 ст. 1174 Гражданского кодекса Российской Федерации расходы на охрану наследства и управление им возмещаются за счет наследства в пределах его стоимости. Таким образом, выплата предусмотренного договорами доверительного управления наследственным имуществом вознаграждения доверительному управляющему должна производиться в том числе за счет наследства несовершеннолетнего Амелина И.С., что, в свою очередь, ведет к его уменьшению.

В соответствии с абз. первым п. 1 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных данным кодексом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом. Право ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется ст. 26, 28 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ввиду отсутствия прямого указания в законе на применение положений ст. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации о необходимости получения согласия органа опеки и попечительства на заключение договора

доверительного управления наследственным имуществом при наследовании несовершеннолетним, с учетом того, что пп. 3.2, 3.3 договоров предусматривают право доверительного управляющего на совершение сделок (в том числе по отчуждению с согласия учредителя управления) переданного в управление имуществом, согласие законного представителя несовершеннолетнего наследника на заключение договора доверительного управления наследственным имуществом с указанием на несовершеннолетнего как выгодоприобретателя в договоре является обязательным.

Мнение кассационной инстанции о том, что пределы усмотрения нотариуса при установлении размера вознаграждения определены Правительством Российской Федерации в постановлении от 27 мая 2002 г. № 350, и поэтому не требуют контроля со стороны законного представителя несовершеннолетнего, является ошибочным, поскольку позволяет прийти к выводу о том, что нотариус, не являясь ни собственником имущества, переданного в доверительное управление, ни попечителем, ни опекуном, ни законным представителем несовершеннолетнего, вправе самостоятельно принимать решения, позволяющие распоряжаться имуществом несовершеннолетнего, в том числе в части возмещения расходов на управление этим имуществом, без согласования размера вознаграждения с законным представителем несовершеннолетнего. При этом установление законом предельного размера вознаграждения доверительному управляющему не означает невозможность определения условиями договора иного размера вознаграждения доверительному управляющему с учетом мнения всех выгодоприобретателей, давших согласие на заключение данного договора на таких условиях. Такого согласия от имени законного представителя несовершеннолетнего Амелина И.С. получено не было.

В связи с тем, что условия заключения договоров доверительного управления, в том числе в части вознаграждения доверительному управляющему Марковой А.Б., не были согласованы с законным представителем несовершеннолетнего Амелина И.С. – Ришко Н.И., суду следовало оценить договоры на предмет их соответствия требованиям закона.

Суд кассационной инстанции констатировал, что в отсутствие достаточной определенности состава наследников указание в договоре не всех выгодоприобретателей влечет не недействительность договора доверительного управления наследственным имуществом, а присоединение новых наследников к числу выгодоприобретателей.

Между тем судам при рассмотрении дела надлежало исходить из

следующего.

Из содержания ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что если между сторонами не достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора, то он не считается заключенным и к нему не применимы правила об основаниях недействительности сделок, поскольку такой договор, являющийся незаключенным вследствие несогласования существенных условий, не только не порождает последствий, на которые он был направлен, но и является отсутствующим фактически ввиду не достижения сторонами какого-либо соглашения, а, следовательно, не может породить такие последствия в будущем.

Вместе с тем, принимая решение, суд в силу ст. 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации определяет какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Согласно ч. 4 ст. 198 Кодекса суд указывает в мотивировочной части решения мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В этой связи ссылка истца в исковом заявлении на неподлежащие применению, по мнению кассационной инстанции, в данном деле нормы права о недействительности сделок сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования, поскольку предъявленное истцом требование по своей сути направлено на констатацию отсутствия между несовершеннолетним наследником (выгодоприобретателем) и сторонами сделки правоотношения из договора доверительного управления наследственным имуществом, а ошибка в правовой квалификации, которую допустил истец, считая сделку недействительной, не может служить основанием отказа в иске лишь на основании такой ошибки.

Кассационная инстанция, отменяя в части определение апелляционной инстанции, указавшей на нарушение при заключении договоров доверительного управления ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации и злоупотребление правом, посчитала данный вывод ошибочным, сослалась на то, что нарушение данной нормы к числу самостоятельных оснований недействительности сделок законом вообще не отнесено.

С таким выводом Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не может согласиться.

Положения Гражданского кодекса Российской Федерации, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (ст. 3 ГК РФ), подлежат

истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 этого кодекса.

Согласно пункту 3 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу пункта 4 статьи 1 Кодекса никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу пункта 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным при установлении очевидного отклонения действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения.

В этом случае суду при рассмотрении дела надлежит вынести на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения может отказать в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применить иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В соответствии со ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений), нотариус обязан оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем чтобы юридическая неосведомленность не могла быть

использована им во вред.

Как указано в ст. 41 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом 11 февраля 1993 г. № 4462-I, совершение нотариального действия может быть отложено, если в соответствии с законом необходимо запросить заинтересованных лиц об отсутствии у них возражений против совершения этих действий.

Кроме того, законодательством Российской Федерации могут быть установлены и иные основания для отложения и приостановления совершения нотариальных действий.

Законный представитель несовершеннолетнего Амелина И.С. – Ришко Н.И., указывала на то, что при заключении договоров доверительного управления наследственным имуществом и дополнительных соглашений ответчики злоупотребили своим правом. 31 января 2013 г. при подписании договора доверительного управления наследственным имуществом – долей в ООО «С [REDACTED] [REDACTED]» – в нотариальной конторе присутствовали законный представитель несовершеннолетнего наследника Амелина И.С. – Ришко Н.И. и ее представитель Вершинина Е.Е., которые сообщили нотариусу о наличии еще одного наследника, просили предоставить время для ознакомления с договором доверительного управления наследственным имуществом, а также указали на необходимость получения предварительного согласия на заключение договора со стороны органа опеки и попечительства. При этом Ришко Н.И. предоставила нотариусу документы, подтверждающие право несовершеннолетнего Амелина И.С. на наследство, которые не были приняты по формальным основаниям. Несмотря на данные обстоятельства, просьба законного представителя несовершеннолетнего была отвергнута, договор доверительного управления наследственным имуществом был заключен ответчиками в тот же день, а в течение последующих 5 дней были заключены три других договора без участия законного представителя несовершеннолетнего. 6 февраля 2013 г. Ришко Н.И. подано нотариусу заявление о принятии наследства несовершеннолетним Амелиным И.С., в котором она дополнительно ссылается на указанные обстоятельства, а именно на заключение нотариусом при фактическом присутствии Ришко Н.И. без получения на то ее согласия договора доверительного управления имуществом от 31 января 2013 г. и последующих договоров (т. 2, л.д. 183). 8 марта 2013 г. Ришко Н.И. подано нотариусу заявление, в котором указано на

аналогичные обстоятельства (т. 2, л.д. 186). Ришко Н.И. ссылается на тот факт, что в нотариальной палате присутствовали также представители ООО «С [REDACTED] : [REDACTED] ».

Указанные обстоятельства не были предметом проверки судебных инстанций, и им не дана надлежащая оценка судами.

Между тем установление нарушения при заключении договоров доверительного управления наследственным имуществом ст. 10 ГК РФ, выразившегося в злоупотреблении правом, отнесено законом (ст. 168 ГК РФ) к числу самостоятельных оснований для признания сделки недействительной.

Поскольку вышеприведенные обстоятельства судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда и президиум Санкт-Петербургского городского суда не приняли во внимание при вынесении решения и оценки им не дали, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что при рассмотрении настоящего дела данными судебными инстанциями допущены нарушения норм материального и процессуального права, которые являются существенными и непреодолимыми, в связи с чем могут быть исправлены только посредством отмены оспариваемых судебных постановлений.

Апелляционная инстанция рассмотрела спор по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл. 39 Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации, поэтому дело подлежит направлению на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное, с учетом всех установленных по настоящему делу обстоятельств и с соблюдением требований материального и процессуального закона разрешить возникший спор.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 387, 388, 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 8 апреля 2014 г. и постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 23 июля 2014 г.

отменить, дело направить на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Председательствующий

Судьи

